

кой: в том же списке Ерш называет Леща крестьянином, да и сам Лещ в челобитной называет себя „сиротой“, а этим термином в официальных документах называли себя люди „тяглые“, посадские и крестьяне, тогда как служилые люди, к каким принадлежал сын боярский, должны были называться „холопами“. Все эти тонкости были, конечно, хорошо известны автору „Повести“, близко знакомому с миром челобитных, и сделать такую ошибку он не мог. Следовательно, и в этом случае надо предполагать позднейшую порчу текста.

Таковую порчу можно наблюдать и в других местах этого списка. Например, в челобитной Леща говорится: „В прошлых, господа, годех было то Ростовское озеро, реки и источники за нами, сиротами, а тот Ерш лишил нас того Ростовского озера“. Между тем, до этого в челобитной еще не упоминалось ни о Ерше, ни об озере. Следовательно, здесь должен быть какой-то пропуск или сокращение. Затем: воевода Осетр, главный судья, выступает в конце „Повести“ в роли послуха на суде, чего вообще не могло быть: одно и то же лицо не могло одновременно, при разборе одного и того же дела, быть и судьей и свидетелем. Кроме того, рассказ Осетра заканчивается описанием его поимки в невод. Таким образом, в изложении „Повести“ получается несообразность: как Осетр, попавший в невод, мог оказаться затем в роли воеводы на суде?¹ Это противоречие разрешается списком второй редакции, по которому эта часть рассказа принадлежит другому лицу — окольниковому Сому, передающему случай, происшедший с его братом. Ясно, что в первой редакции эти два рассказа неудачно соединены в один.

Имеется и еще противоречие. В начале „Повести“ окольниковый Сом является судьей, в конце он — всего лишь дьяк.

Таких примеров можно было бы привести немало по разным редакциям. Но и этих достаточно, чтобы видеть, какой порче подвергались списки в результате их неоднократной переписки.

* * *

Различия между редакциями и противоречия, имеющиеся в пределах одного и того же списка, при довольно ограниченном количестве последних, породили ряд неясностей в представлении об этом произведении. В. П. Адрианова-Перетц, сделав краткий обзор литературы о „Повести“, пришла к выводу, что „относительно происхождения повести о Ерше все не ясно: XVI или XVII столетия этот памятник, осуждает он или нет судебные порядки Московской Руси, какие политические события нашли себе в нем отражение“.²

Эта неясность отразилась в суждениях исследователей „Повести“. И. П. Сахаров, которому принадлежит первое по времени высказывание о ней, нашел, что она „носит на себе отпечаток какой-то непонятной для нас сатиры... В списке Ляликова, разделенная на отдельные пункты, она, вероятно, тогда представляла вид деловой бумаги. Замечательно, что в ней сохранилось вполне и старое делопроизводство, и форма старых бумаг“. Он относил ее появление к XVI веку

¹ Позднейшая переделка „Повести“ специально вводит новый эпизод, чтобы устранить это противоречие.

² В. П. Адрианова-Перетц, ук. соч., стр. 125.

³ И. П. Сахаров. Русские народные сказки. СПб., 1841, стр. 273.